

УДК 94(477)"1914/1917": 378.18

UDC

DOI: 10.17223/18572685/37/8

РЕАКЦИЯ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1914–1917 гг. (на материалах Украины)

М.Э. Кругляк

Житомирский государственный технологический университет
Украина, 10005, г. Житомир, ул. Черняховского, 103
E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Авторское резюме

В статье рассматривается отношение студенчества Украины, пребывавшей в составе Российской империи, к событиям Первой мировой войны. Автор доказывает, что отношение учащейся молодежи к военному катаклизму эволюционировало с 1914 до 1917 г. от взрыва патриотизма и поддержки России в этом противостоянии до обострения оппозиционности и антисамодержавных настроений. Таким образом, именно война стала индикатором готовности российского общества к переменам, а реакция молодой интеллигенции, первой ощутившей новые веяния, на военные события лишь предварила катастрофу, произошедшую в 1917 г.

Ключевые слова: студенчество, Первая мировая война, патриотизм, демонстрация, оппозиционность.

The reaction of the students of the Russian Empire to the events of WWI 1914–1917 (based on the materials from Ukraine)

M.E. Krugliak

Zhytomyr State Technological University
103, Chernyakhovsky str., Zhytomyr, 10005, Ukraine
E-mail: marinakrugljak@ukr.net

Abstract

The article examines the attitude of the students in Ukraine, residing in the Russian Empire, to the events of World War I. The author proves that the attitude of the studying youth to the military cataclysm events evolved from 1914 to 1917 – from the explosion of patriotism and the support for Russia's military confrontation to the escalation of opposition and anti-autocratic motives. Thus, the war itself had become the readiness indicator of the Russian society to changes, and the reaction to the military events from the intelligent youth perspective, which was the first ones to sense the new trends, only preceded the future disaster for the state, which happened in 1917.

Keywords: students, World War I, patriotism, demonstration, opposition.

Студенчество, выступающее своеобразным барометром общества, возможно, являющееся наилучшей его составляющей, издавна отличалось активной жизненной позицией. Характеризуя молодежь и ее психологию, журналист газеты «Студенческая жизнь» в 1910 г. заметил: «...Это психология буржуазной демократии, со всеми ее достоинствами и недостатками; благодаря своему положению меж двух «миров» и психология его (*студенчества*. – М. К.) раздваивается: широкий альтруизм, что заламливается сквозь призму эгоизма; аскетизм с большей долей позы, геройство с дон-Кихотством, жажда дела и труда рядом с красивой, но бесплодной фразой, атеизм, связанный с глубокой религиозностью, критицизм, от которого далеко пахнет догмой, безверье, которое тесно срослось с верой ...» (К вопросу: 2). И все же ни в коей мере не стоит преуменьшать роли студенчества в общественно-политической жизни Российской империи и Украины в частности. Заметим, что именно студенты Харьковского университета в 1900 г. основали первое в Надднепрянской Украине политическое формирование – РУП (Революционную украинскую партию), киевская молодежь влилась в ряды Украинской социалистической партии и других общественных организаций.

С исторической точки зрения немаловажным является изучение отношения российского студенчества к событиям Первой мировой войны. Во-первых - из-за неисследованности данной проблемы советскими и современными украинскими учеными. Их внимание уделялось революционным событиям 1917 г., а посему жизнь высших учебных заведений в годы Первой мировой либо вообще не находила отображения в историографии, либо же вспоминалась эпизодически, а максимальное внимание уделялось революционным волнениям молодежи, носившим антивоенный и антисамодержавный характер. Современные украинские историки пытаются обособить жизнь студенчества конкретного учебного заведения в годы войны - Киевских высших женских курсов (Кобченко 2007), коммерческого

института (Чуткий 2008), не выделяя общих тенденций. К удивлению, полностью утерян военный период в фундаментальной работе, приуроченной к юбилею Харьковского университета (Харківський університет 2004). Отметим, что в работах некоторых современных украинских ученых акцент делается на те явления, которые в годы войны не имели должного распространения. Тем не менее их значение преувеличивается. В данном случае речь идет об изучении украинского национального движения, имевшего скорее локальный характер и не выражавшего интересов абсолютного большинства студенчества (Михальский 1995). В то же время отношение молодежи к войне находим в работах петербургского исследователя Н.Г. Завадского (Завадский 1999) и американского ученого Сьюзан Морисси (Морисси 1999), хотя место студенчества Украины в этих работах не освещается.

Во-вторых, именно на основании отношения молодежи к военным событиям мы можем проследить эволюцию самого студенчества, прошедшего нелегкий путь от разочарований постреволюционного периода 1907–1914 гг., вылившихся в апатию, разгул, эпидемию самоубийств и т. д. (так называемое «новое студенчество»), до взрыва патриотических чувств в первые годы общемировой катастрофы, а потом нового разочарования.

Заметим, что хронологические рамки нашего исследования ограничиваются 1914–1917 гг. Дело в том, что в украинской историографии февраль–март 1917 г. принято рассматривать как начало нового этапа в отечественной истории – Украинской национально-освободительной революции (1917–1921), а потому военные катаклизмы 1917–1918 гг. отошли на второй план на фоне острой политической ситуации в стране (борьба за власть представителей Украинской Центральной Рады, пребывание во власти гетмана П. Скоропадского, период Директории Украинской Народной Республики и т. д.).

Что же представляло собой студенчество Надднепрянской Украины в 1914 г.? По данным советских источников, в 1914/1915 учебном году на территории Украины насчитывалось 19 вузов, в которых училось 26,7 тыс. студентов. Две трети учебных заведений размещалось в Киеве (более 15 тыс. студентов) и Харькове (около 7 тыс.) (Вища школа 1967: 13). Однако, по нашим подсчетам, с учетом максимального количества заведений государственного и негосударственного секторов высшего образования, в 1913/1914 учебном году в вузах Украины училось около 31 тыс. чел. к при- близительно равном соотношении двух секторов, что составляло четвертую часть всего российского студенчества (Кругляк 2010: 34; Иванов 1991: 257). Несмотря на военные действия на территории

Украины, численность студенчества за 1914–1917 гг. увеличилась. Так, по состоянию на 1917 г. в подросийской Украине обучалось 35 622 студента, или 26,4 % общей численности студенчества России, причем доля студентов государственных высших учебных заведений составляла лишь 38,2 %. Это прежде всего связано с появлением новых учебных заведений (как правило, негосударственного сектора) и с реэвакуацией крупных вузов в 1916 г.

В первые год-два войны повседневная студенческая жизнь несколько изменилась, но это коснулось не всех, так как боевые действия охватили в основном лишь правобережную Украину. Вместе с оттоком студентов происходила и эвакуация высших учебных заведений. Это было связано с неудачами российской армии в 1915 г., когда встал вопрос о приближении немецких войск к Киеву. Тогда в Саратов в 1915 г. переехали киевские вузы – университет Св. Владимира (Історія Київського університету 1959: 65), коммерческий институт, Высшие женские курсы (Кобченко 2007: 111). Киевская консерватория переехала в Ростов-на-Дону (ГАК 4: 1); в то же время из Новой Александрии (Люблинская губерния, Царство Польское) в Харьков переместился сельскохозяйственный институт (Фурсенко 1968: 59). Однако уже в 1916 г. вузы провели реэвакуацию и новый 1916/1917 учебный год встретили на Украине (Кобченко 2007: 111).

Начало Первой мировой войны было ознаменовано небывалым взрывом патриотизма в студенческой среде, причем это явление имело место независимо от партийной принадлежности молодых людей. Источники свидетельствуют о многочисленных патриотических манифестациях студентов различных высших учебных заведений. Они были готовы «понести жертвы в пользу дорогой Отчизны». Выказывая свою поддержку Англии, Франции и Бельгии, одесские студенты Новороссийского университета 9 октября 1914 г. произносили речи перед консульствами этих стран. Говорили и о той огромной трагедии, которую в тот момент переживали бельгийский народ и его король. В тот же день в Харькове прошла общегородская «патриотическая демонстрация в поддержку военной политики царизма», в которой приняло участие несколько сотен студентов местных вузов (Харьковский институт 1985: 33). Эти манифестации были связаны с появлением Высочайшего указа, согласно которому Военному министерству предоставлялось право призывать в армию учащихся высших учебных заведений. О том, что значительная часть их должна поступить в военные училища для подготовки к офицерскому чину, не говорилось. Уже 16 ноября 1914 г. состоялся экстренный выпуск студентов-медиков Новороссийского университета, завершивших подготовку в качестве военных врачей (Новороссийский университет 1915: 5–6).

Кроме того, студенты стали непосредственными участниками боевых действий. Так, в 1914 - 1915 г. 146 студентов Новороссийского университета (8 % от общего количества) пребывали в действующей армии, из них 26 поступили врачами в Красный Крест, а 27 чел. отправились на фронт добровольцами. Да и на поле боя молодые люди проявляли чудеса героизма. Например, студент юридического факультета Новороссийского университета Н.А. Мими, отправившийся на войну добровольцем, занимался разведывательной деятельностью, а во время боев поставлял в окопы патроны; выпускник этого же вуза Г.М. Обухов, призванный на службу в качестве врача, несмотря на то, что заразился малярией, продолжал оказывать раненым первую неотложную помощь. Согласно данным секретаря совета Новороссийского университета П.И. Иванова, в первый год войны 11 студентов и 19 выпускников вуза были отмечены как самые храбрые; из них 13 человек наградили почетными орденами и медалями, одного даже пожаловали в кавалеры ордена Почетного Легиона (Новороссийский университет 1915: 4, 10–14).

Не отставали от одесских студентов и слушатели других высших учебных заведений Украины. Так, уже с первых дней военного конфликта слушательницы неправительственных Киевских высших женских курсов записались сестрами милосердия при Красном Кресте и начали оказывать помощь раненым на фронте. Девушки активно участвовали в подготовке необходимых вещей для полевого военно-санитарного поезда, а также работали в созданной при курсах швейной мастерской, где шили белье для раненых и больных (по состоянию на 1 октября 1914 г. в мастерской работали 396 курсисток) (ГАК 2: 4, 14, 88 об.). В химических лабораториях Высших женских курсов, а также в Киевском университете Св. Владимира и политехническом институте преподаватели и лаборанты в сотрудничестве со студенческой молодежью стали производить медикаменты. При этом многие работали абсолютно бесплатно, и лишь часть студентов получала определенную награду (Кобченко, 2007: 110). Слушатели Екатеринославского горного института вместе с преподавателями и служащими учебного заведения выделили средства для сооружения при институте лазарета для раненых воинов (из 14 кроватей лазарета 6 содержалось на студенческие деньги), дежурили в помещении (Отчет 1914: 4–5), работали в мастерских по производству снарядов, а также входили в состав различных комитетов «помощи войне» (Історія і сучасність 2009: 94). Студенты-священники, которые получали высшее образование в Киевской духовной академии, нередко приходили в лазареты, чтобы провести богослужение и молебен. Кроме работы в лазаретах в

качестве братьев милосердия, они занимались благотворительностью: отказывались от предназначенных им казенных чая и сахара, получали вместо продуктов деньги, на которые покупали воинам подарки к разным праздникам (Отчет 1914–1915: 3–4). Присоединились к этой деятельности также преподаватели и студенты Одесской консерватории, которые в годы Первой мировой войны проводили благотворительные концерты в пользу раненых воинов (Одеській державній 2003: 27).

Первая мировая война в определенной степени парализовала жизнь студенческих филантропических организаций. Например, Обществу скорой помощи нуждающимся студентам в высших учебных заведениях Киева не удалось открыть книжный склад и в достаточной мере наполнить бюджет учреждения. В то же время общество создало распорядительный комитет помощи семьям запасных, деятельность которого состояла в организации работы пункта питания, оказании раненым и их родным медицинской помощи в частных больницах, обеспечении их дешевыми лекарствами, поиске работы, ходатайствовании о приеме в высшие учебные заведения; три местных юриста, приглашенные распорядительным комитетом, бесплатно оказывали юридическую помощь семьям запасных, а с августа 1914 г. для них был создан особый фонд для выдачи денег на квартиры (ГАК 5: 3, 31–32). Попечительство о нуждающихся студентах Императорского Новороссийского университета оказывало информационные услуги в поиске жилья. Так, благодаря активной деятельности организации в 1915 г. удалось обеспечить квартирой двоих студентов-киевлян, которые переехали учиться в Одессу после эвакуации университета Св. Владимира в Саратов (Отчет 1915: 387–388).

К сожалению, остается неизвестной реакция студенчества на такие ограничительные действия власти. В августе 1914 г. Министерство народного просвещения приказало попечителям учебных округов сначала прекратить прием в вузы германских, австрийских и венгерских подданных (ГАОО: 31 об.), а в отдельном распоряжении от 3 сентября 1914 г. под № 41109 вообще было приказано отстранить от занятий подданных государств, воевавших с Россией. Для продолжения учебы такие студенты должны были перейти в российское подданство (Законы 1914: 32). К слову, в Киевском коммерческом институте было восемь германских, семь австрийских и пять турецких подданных (ГАК 1: 55). Вышел даже приказ администрации, которым запрещалось в публичных местах разговаривать на немецком языке (Асмус 2000: 271). Постановление Совета министров России от 20 октября 1915 г. «Об установлении ограничитель-

ных мер относительно болгарских подданных» наиболее повлияло на численность студентов Киевской духовной академии, из которой в декабре 1916 г. исключили четырех болгар, несмотря на то, что в феврале того же года они были признаны правлением академии «благонадежными» (Путро 2011: 146).

Война все же дала студентам-участникам боевых действий ряд льгот. Так, на основании распоряжения Министерства народного просвещения от 18 декабря 1914 г. под № 580033 студентам, которые пошли добровольцами на фронт или вступили в отряды, устроились в лазареты и другие медико-санитарные учреждения, разрешили считаться в отпуске до окончания военных действий. По желанию правления университета они могли освобождаться от платы за учебу сверх установленной нормы; тем же, кто отправился в действующую армию добровольцами, сохраняли стипендию. Однако еще до появления этого распоряжения 1 сентября 1914 г. правление Новороссийского университета ходатайствовало о разрешении освобождать сверх 15 % норму от внесения платы за учебу и гонорара студентов, призванных в действующую армию или отправлявшихся на фронт добровольцами (Новороссийский университет 1915: 10). Правление Киевских высших женских курсов освобождало от платы за учебу сверх нормы тех слушательниц, которые в действующей армии были сестрами милосердия; девушки, работавшие в лазарете, вносили половину платы (ГАК 2: 4; ГАК 3: 10 об., 58 об.).

Определенные улучшения наметились и в правовом статусе студентов иудейского происхождения. 10 августа 1915 г. вышло постановление Совета министров о льготном приеме в высшую школу участников войны и их детей независимо от национальности и вероисповедания. Вследствие этого доля студентов-евреев в высших учебных заведениях Украины значительно увеличилась, составив, например, в Новороссийском университете 24,4 %, в Харьковском технологическом институте – 23,6 % (Иванов 1991: 289; Иванов 1999: 226). Напомним, что в 1887 г. были установлены процентные нормы приема иудеев в университеты Российской империи: 3 % – в Петербургский и Московский, 5 % – в Харьковский, 10 % – в размещенный в черте еврейской оседлости Новороссийский и вне ее Киевский (Клопотовский 1893: 180–181). Подобные ограничения были установлены во всех государственных высших учебных заведениях России.

Почему же небывалый взрыв патриотизма так быстро охватил российское общество? Пресса рисовала войну как оборону, которая ведется ради спасения Отчизны от «пруссских варваров», а также во

имя защиты славянских народов. Историки отмечают, что патриотические настроения поначалу охватили не только широкие слои городской буржуазии, но и значительную часть крестьянства, которое даже не понимало, что весь груз войны ляжет на его плечи (Новітня історія 2002: 131). Причины активной студенческой патриотической позиции в первые годы войны объясняет в то время киевская курсистка, позже – известная советская писательница Зинаида Тулуб: «Ушла на фронт медсестрой Ксения Завадская, Наталия Васильевна Рылеева, внучатая племянница декабриста, а по матери правнучка князя Кутузова-Смоленского стала работать медсестрой в госпитале, размещенном в митрополичьих покоях, что во дворе Софийского собора. Даже Валентина Трофимова после всего пережитого в Германии, на что была настроена оппозиционно правительству, пошла добровольной сестрой в Дегтеревскую богадельню, тоже превращенную в госпиталь Союза городов. И мне стало стыдно быть в стороне от этого всенародного страдания, быть барышней-белоручкой. И вот каждое утро я уходила из дому, но не на курсы, а в Красный Крест на лекции и практику. Слушала курс полевой хирургии, микробиологии, общей терапии, гигиены и др. и через день отбывала шестичасовое дежурство при раненых или больных» (ОРФТИЛ: 343). В то же время американская исследовательница Сьюзан Морисси отмечает: «Для студентов поколения 1914 г. важнейшей точкой отсчета коллективного самосознания было наследие революции 1905 г. ... Студенческая пресса часто жаловалась на то, что революция подорвала традиционную политическую роль студентов и привела к так называемому «кризису студенчества», проявлением которого были политическая пассивность, политическое расслоение, разврат и эпидемия самоубийств. Студенты часто утверждали, что начало этому кризису положило отсутствие единой общественной и политической цели в сочетании с другой более серьезной потерей – утратой веры в традиционные ценности интеллигенции. В 1914 г. какое-то время казалось, что война окажется тем новым общим делом, которое, наконец, заставит студенчество сплотиться после затяжного кризиса» (Морисси 1999: 299).

И все же, как показывают источники, провластные патриотические мотивы были заметны в деятельности студенчества лишь в первые годы конфликта. Антивоенные демонстрации студентов и рабочих проходили и в 1916 г., и в феврале 1917 г. в Харькове. Особенно заметными были протесты молодежи в марте и октябре 1916 г. Так, мартовское выступление было связано с пробной мобилизацией студенчества в армию, октябрьские манифестации организовали студенты-призывники, кандидатуры которых для отправки на

фронт определялись путем жребия. Молодежь устроила шествие по улицам Харькова, пела «Марсельезу», «Похоронный марш», «Дубинушку». Организаторами октябрьского протеста были студенческая социал-демократическая и социал-революционная фракции; планировалось привлечение к манифестациям рабочих. Начинаясь как бунт студентов-призывников октябрьские демонстрации превратились в антивоенные акции и закончились столкновением с полицией. Сходка харьковских студентов-медиков 9 февраля 1917 г. была «как протестом против войны и призыва молодых солдат, так и против перерыва занятий Государственной Думы», на сходке 13 февраля поднимался вопрос о дороговизне и дефиците продовольствия. Вынесенная сходкой резолюция гласила: «Долой существующий режим и нынешнее правительство, пусть будет международный мир без аннексий и контрибуций» (ГАХО 2: 1–73; ГАХО 1: 1–27; Харьковский институт 1985: 34).

Почему же студенты так быстро изменили свои взгляды и от патриотических манифестаций в поддержку российской армии перешли к антивоенной пропаганде? Уже в 1915 г. они все больше склонялись к идее оборончества и мира без аннексий. Их возмущал не только характер конфликта, направленный на уничтожение, но и усиление дискриминации различных групп студенчества, например неравные условия военной службы для евреев, которым запрещалось занимать офицерские должности. Примером могут стать события апреля 1916 г., когда студенты Харьковского технологического института прошли по центральным улицам города, протестуя против призыва студентов-евреев в армию в качестве рядовых (ГАХО 1: 26–26 об.). Стоит упомянуть и о том, что уже 31 января 1916 г. правительство ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени решилось на частичную мобилизацию студенчества, в данном случае – всех первокурсников 1895 года рождения, причем студентов-евреев призывали как рядовых (Филиал ГАХО: 18–18 об.; Коротки нарисы 1940: 41).

Продолжительная война и ухудшение экономической ситуации в государстве, призыв в армию студентов-первокурсников в 1916 г. связывались с политическими провалами правительства. Сюзан Морисси замечает: «Однако война поставила целую серию новых вопросов. Как сочетается помощь фронту с традиционно оппозиционным отношением студенчества к самодержавию? Ориентация на национальные ценности с национализмом? Первоначальный отказ от политических целей во имя общей победы в войне ответа на эти вопросы не дал, точно так же как и не способствовал решению политических разногласий. С другой стороны, правитель-

ство продолжало с подозрением относиться к лояльности собственного народа и не сумело воспользоваться первоначальным порывом его доброй воли. Страх правительства перед студенческими беспорядками привел к чрезмерной реакции во внутренней политике, которая проявилась в захвате учебных заведений частями полиции при малейшем признаке студенческих волнений и создании помех на пути попыток самоорганизации как для оказания помощи фронту, так и для создания структур экономической взаимопомощи. По мере того как масштабы социально-экономической и военной катастрофы становились все очевиднее, эти репрессии лишь придавали конкретный смысл более широким политическим просчетам правящего режима и способствовали политизации студенчества. Вместе с тем этот процесс определялся и особенностями студенческого патриотизма. Хотя некоторые студенты и поддерживали войну во имя самодержавия, с позиций русского или славянского национализма, большинство хранило верность таким понятиям, как народ и Отечество. Эти различия в акцентах, которые осенью 1914 г. видели лишь немногие, способствовали радикальной перемене политических взглядов в 1915 г., специфика которых состояла в том, что при этом не потребовалось основательного пересмотра отношения к самой войне. Многие студенты смогли, опираясь на идеалы демократии и защиты Отечества, выступить за победу в войне и одновременно находиться в оппозиции к собственному правительству» (Морисси 1999: 299–300).

Опираясь на архивные материалы, склоняемся к мнению, что отношение студентов к военным событиям было связано и с их партийной принадлежностью. Например, члены РСДРП и эсеры выступали за «мир без аннексий и контрибуций» и свержение существующего режима из-за роста цен и дефицита продовольствия (ГАХО 1: 1–27). В то же время студенты - члены монархических организаций и «академисты» поддерживали все мероприятия власти и приветствовали войну. Они своего мнения не изменили ни в 1916-м, ни в 1917 г. (Харьковский институт 1985: 28–34). Но не стоит считать мнение этих студенческих групп авторитетным, так как у них было незначительное число последователей. Подтвердим это утверждение фактами из проведенного в 1909 г. в стенах Киевского политехнического института анкетирования. По его данным, 63,7 % студенчества принадлежало к оппозиционному лагерю (среди них социал-демократы – 23 %, социалисты-революционеры – 12,2 %), вокруг же Академического союза объединялось лишь 2,5 % молодежи, в то же время 28,2 % киевских политехников не симпатизировало ни одной политической силе (Струмилин 1979: 181–182).

Заметим, что антивоенные прокламации и листовки начали распространяться в среде киевского студенчества уже в 1914 г. Однако подобное явление носило единичный характер и касалось лишь незначительной части национально ориентированных студентов Украины. Созданный ими орган – Информационное бюро киевского украинского студенчества – в своих прокламациях за 1914 г. осуждал шовинистическую политику российских властей в Галиции, призывал бойкотировать сбор денег со стороны «Прикарпато-русского комитета», которые должны были пойти якобы на помощь «русскому населению Галиции», считая, что эти средства станут финансовой подпиткой западноукраинского москвофильства (ЦГИАУ: 162–163).

Символом борьбы с российским царизмом стал украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861), в свое время выражавший в своих произведениях антисамодержавную позицию. Как это ни парадоксально звучит, уже после своей смерти Шевченко смог организовать украинское национальное (громадовское) движение; его именем клялись в 1892 г. украинские патриоты, назвавшиеся «Братством тарасовцев»; именно празднование годовщины рождения великого поэта привело к студенческим манифестациям в марте 1914 г. Да и в годы Первой мировой войны Шевченко продолжал оставаться символом борьбы с властью. Украинские социалисты-революционеры в 1915 г. издали воззвания по случаю рождения Тараса Шевченко, в которых осуждали национальную политику российских властей в Галиции (так называемый «европейский скандал»); в «шевченковских воззваниях» в 55-ю годовщину смерти поэта (26 февраля 1916 г. по старому стилю) Информационное бюро киевского украинского студенчества осудило человекоубийство, «когда человеческая кровь льется рекой, когда миллионы людей уничтожают друг друга по воле палачей, что правят нами», послушались призывы организовать украинский университет и провозгласить Украину независимой (Нелегальні відозви 1925: 30).

Имело место создание украинских национальных организаций и в других городах. Например, в сентябре 1915 г. в Харькове по инициативе студента А.П. Ковалевского была создана организация «Украинский национальный круг», или «Круг независимых». Среди политических требований членов «Круга» следует отметить необходимость создания национальной автономии, ликвидацию религиозных и национальных ограничений для представителей различных этносов, предоставление политических свобод, введение 8-часового рабочего дня. Идею автономии Украины поддерживала и созданная в Харькове «Украинская студенческая громада» (Ми-

хальский 1995: 11). Кроме этих организаций, в Харькове в годы войны активизировались Украинский социалистический коллектив, группа федералистов, кружки самообразования, Юношеское сообщество левобережной Украины и т. д. Частично все эти организации находились под влиянием партийных групп Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП), Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), Украинской народной партии (УНП). Наряду с активным продвижением культурной программы (заключавшейся, в первую очередь, в борьбе за украинские язык и литературу) происходили политизация и радикализация национального движения. Распространялись мнения о необходимости государственной независимости на фоне усиления антироссийских, австро- и германофильских настроений - в основном из-за роста авторитета УНП, выступавшей за независимость Украины от России и разочарования в действиях социал-демократов и эсеров. Однако не стоит преувеличивать значение и авторитет украинских национальных организаций в студенческой среде. Как отмечает современный украинский исследователь С. А. Наумов, не имея под собой серьезной политической, организационной, теоретической подоплеки, указанные выше явления были локальными, нестойкими и невыразительными и, по сути, не оставили следа в общественной жизни (Наумов 2001: 176–181). Для сравнения: в 1908 г. в популярных объединениях украинской молодежи – студенческих громадах – было задействовано лишь 384 чел. (Жук 1939: 191), что, по нашим подсчетам, составляло не более 2 % от общего количества студенчества подросийской Украины.

Подведем итоги. Первая мировая война стала катализатором социально-экономической и политической ситуации в Российской империи. Студенчество, по сути, оппозиционно настроенное к царской власти, в своей общественной позиции снова проявило амбивалентность: оппозиционность соединилась с альтруизмом и издавна присущим молодежи патриотизмом. В то же время студенты в трудной ситуации поддерживали простой народ – жертву конфликта, но не власть, участвовавшую в кровопролитии. Когда же война изрядно затянулась и каждый россиянин на себе почувствовал ухудшение экономического положения, дискриминацию по национальному признаку при призыве в армию, наконец, когда самих студентов силой отправляли в армию - только тогда, в 1916 г., молодая интеллигенция стала прагматичной. Очарование милитаристской риторики спало, а желание помочь Отечеству, ярко продемонстрированное студентами, рискованными собственными жизнями в 1914–1915 гг., покинуло умы и сердца молодого поколения. Февральская револю-

ция и последующие события, участниками которых были и студенты Украины, стали примером того, как неумение идти навстречу собственному народу приводит к краху государств и формированию новой политической картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Асмус 2000 - *Асмус В.Ф.* Философия в Киевском университете в 1914–1920 годах (Из воспоминаний студента) // *Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917–1920: матеріали, документи, спогади: в 3 т. / автори-упорядники В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. К., 2000. Кн. 1: Університет Св. Володимира між двома революціями. С. 250–272.*

Вища школа 1967 - Вища школа Української РСР за 50 років: у 2 ч. (1917–1967) / керівник авт. колективу, відп. ред. В.І. Пітов. К.: Вид-во Київського ун-ту, 1967. Ч. 1: 1917–1945 рр. 395 с.

ГАК 1 - Государственный архив г. Киева. Ф. 153. Оп. 8. Д. 891. 98 л.

ГАК 2 - Государственный архив г. Киева. Ф. 244. Оп. 1. Ч. 1. Д. 12. 163 л.

ГАК 3 - Государственный архив г. Киева. Ф. 244. Оп. 1. Ч. 1. Д. 46. 94 л.

ГАК 4 - Государственный архив г. Киева. Ф. 297. Оп. 1. Д. 97. 1 л.

ГАК 5 - Государственный архив г. Киева. Ф. 308. Оп. 1. Д. 10. 34 л.

ГАОО - Государственный архив Одесской области. Ф. 62. Оп. 1. Д. 101. 61 л.

ГАХО 1- Государственный архив Харьковской области. Ф. 3. Оп. 287. Д. 6047. 27 л.

ГАХО 2 - Государственный архив Харьковской области. Ф. 3. Оп. 289. Д. 5912. 73 л.

Жук 1939 - *Жук А.* Конференція українських студентських громад у Києві в 1908 р. (Матеріяли) // *3 минулого: збірник / ред. Р. Смаль-Стоцький. Варшава, 1939. Т. 2: Український студентський рух у російській школі. С. 175–192.*

Завадский 1999 - *Завадский Н.Г.* Испытание войной: российское студенчество и политические партии в 1914 – февраль 1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. 48 с.

Законы 1914 - Законы и распоряжения по обстоятельствам военного времени. К.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 40 с.

Иванов 1991 - *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Моск. тип. № 7 «Искра революции», 1991. 392 с.

Иванов 1999 - *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 416 с.

Новороссийский университет 1915 - Императорский Новороссийский университет и война 1914–1915 г. / [сост. П.И. Иванов], Одесса: Тип. «Техник», 1915. 39 с.

Історія і сучасність 2009 - Історія і сучасність Національного гірничого університету (1899–2009 рр.) / за ред. проф. Г.К. Швидько. Дніпропетровськ: НГУ, «Ліра», 2009. 504 с.

Історія Київського університету 1959 - Історія Київського університету. 1834–1959 / відп. ред. О. З. Жмудський. К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1959. 632 с.

К вопросу 1910 - К вопросу о кризисе студенчества // Студенческая жизнь. 1910. № 22 (18 июля). С. 1–2.

Клопотовский 1893 - *Клопотовский В.И.* Сборник постановлений и распоряжений начальства по университету Св. Владимира и прочим русским университетам с 1878 по 1891 год включительно. К.: Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1893. 275 с.

Кобченко 2007 - *Кобченко К.* «Жіночий університет Святої Ольги»: історія Київських вищих жіночих курсів. К.: МП «Леся», 2007. 271 с.

Короткі нариси 1940 - Короткі нариси з історії Харківського державного університету ім. О.М. Горького. Ювілейне видання. 1805–1940. Харків: видання ХДУ, 1940. 132 с.

Кругляк 2010 - *Кругляк М.Е.* Життя та побут студентства підросійської України другої половини XIX – початку XX ст. : Дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – історія України. К., 2010. 301 с.

Михальський 1995 - *Михальський І.С.* Національно-політичний рух молоді в Україні в роки Першої світової війни (1914 – лютий 1917 р.). Луганськ: Б. в., 1995. 27 с.

Морисси 1999 - *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (Материалы Международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 288–302.

Наумов 2001 - *Наумов С.О.* Національне питання в українських молодіжних організаціях Харкова (1914 – початок 1917 р.) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 526. Історія. Харків, 2001. Вип. 33. С. 176–181.

Нелегальні відозви 1925 - Нелегальні відозви з нагоди Шевченківських роковин / за ред. та з передмовою О.Ю. Гермайзе. К.: Державне вид-во України, 1925. 64 с.

Новітня історія 2002 - Новітня історія України (1900–2000): підручник / А.Г. Слюсренко, В.І. Гусев, В.М. Литвин та ін. К.: Вища школа, 2002. 719 с.

Одеській державній 2003 - Одеській державній музичній академії імені А.В. Нежданової – 90 / упор. Сокол О.В., Розенберг Р.М., Самойленко О.І. та ін. Одеса: Друк, 2003. 224 с.

ОРФТИЛ - Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко. Ф. 150. Д. 86. 395 л.

Отчет 1914 - Отчет о состоянии и деятельности Екатеринославского горного института // Известия Екатеринославского горного института за 1914 год. Екатеринослав, 1914. Вып. 1. С. 1–87.

Отчет 1915 - Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 год. Одесса: Тип. «Техник», 1916. 440 с.

Отчет 1914-1915 - Отчет о состоянии Императорской Киевской духовной Академии за 1914–1915 учебный год // Труды Киевской духовной Академии. 1916. № 7–8. С. 1–50.

Путро 2011 - *Путро О.І.* Студенти-іноземці Київської духовної академії: ХІХ – початок ХХ ст. // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв: науковий журнал. 2011. № 1. С. 140–147.

Струмилин 1979 - *Струмилин С.Г.* Статистика и экономика. М.: Изд-во АН СССР, 1979. 490 с.

Філіал ГАЧО - Філіал Государственного архива Черниговской области в г. Нежине. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 2085. 265 л.

Фурсенко 1968 - *Фурсенко И.Д.* Харьковский Ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственный институт имени В.В. Докучаева. Очерки истории. К.: Изд-во «Урожай», 1968. 168 с.

Харківський університет 2004 - Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В.В. Кравченко, С.І. Посохов, В.І. Кадєєв та ін. Харків: Фоліо, 2004. 750 с.

Харьковский институт 1985 - Харьковский политехнический институт. 1885–1985. История развития. Харьков: Издат. при ХГУ издат. объедин. «Вища школа», 1985. 224 с.

ЦГИАУ - Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 707. Оп. 82. Д. 48. 163 л.

Чуткий 2008 - *Чуткий А.* Київський університет у 1914–1916 рр.: забута історія першої евакуації // Історичний журнал. 2008. № 4. С. 71–80.

References

Asmus 2000 – *Asmus V.F.* Filozofia v Kievskom universitete v 1914–1920 godah (Iz vospominaniy studenta), Alma Mater: Universytet sv. Volodymyra naperedodni ta v dobu Ukrayins'koyi revoliutsii: materialy, dokumenty, spogady: v 3 t., avtory-uporiadnyky V.A. Korotkyi, V.I. Ulianovs'kyi, Kiev, 2000, kn. 1: Universytet sv. Volodymyra mizh dvoma revoliutsiiamy, pp. 250–272.

Vishcha shkola 1967 – Vyshcha shkola Ukrayins'koyi RSR za 50 rokiv: u 2 ch. (1917–1967), kerivnyk avt. kolektyvu, vidp. red. V.I. Pitov, Kiev, Vyd-vo Kyivs'kogo un-tu, 1967, Ch. 1: 1917–1945 rr., 395 p.

GAK 1 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva [State Archive of Kiev], f. 153, inv. 8, d. 891. 98 sh.

GAK 2 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 244, inv. 1, ch. 1, d. 12. 163 sh.

GAK 3 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 44, inv. 1, ch. 1, d. 46, 94 sh.

GAK 4 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 297, inv. 1, d. 97, 1 sh.

GAK 5 - Gosudarstvennyi arhiv g. Kieva, f. 308, inv. 1, d. 10, 34 sh.

GAOO – Gosudarstvennyi arhiv Odesskoi oblasti [State Archives of the Odessa region], f. 62, inv. 1, d. 101, 61 sh.

GAKhO 1- Gosudarstvennyi arhiv Khar'kovskoi oblasti [State Archives of Kharkiv region], f. 3, inv. 287, d. 6047, 27 sh.

GAKhO 2 – Gosudarstvennyi arhiv Khar'kovskoi oblasti, f. 3, inv. 289, d. 5912, 73 sh.

Zhuk 1939 – *Zhuk A.* Konferentsiia ukrayins'kykh studentskykh gromad u Kyievi v 1908 r. (Materialy), Z mynulogo: zbirnyk, red. R. Smal'-Stots'kyi, Warsaw, 1939. t 2, Ukrayins'kyi students'kyi ruh u rosiys'kii shkoli, pp. 175–192.

Zavadskiy 1999 – *Zavadskiy N.G.* Ispytanie voynoy: rossiyskoe studenchestvo i politicheskie partii v 1914 – fevral' 1917 gg., Saint Petersburg, Nestor, 1999, 48 p.

Zakony 1914 – Zakony i rasporyazheniia po obstoiatel'stvam voennogo vremeni, Kiev, tip. T-va I. N. Kushnerev i K^o, 1914, 40 p.

Ivanov 1991 – *Ivanov A. E.* Vysshaiia shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka, Moscow, Mosk. tip. Nr 7 "Iskra revoliutsii", 1991, 392 p.

Ivanov 1999 – *Ivanov A. E.* Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka. Sotsial'no-istoricheskaiia sud'ba, Moscow, ROSSPEN, 1999, 416 p.

Novorossiyskiy universitet 1915 – Imperatorskiy Novorossiyskiy universitet i voina 1914–1915 g., sost. P. I. Ivanov, Odessa, tip. "Tekhnik", 1915, 39 p.

Istoriya i suchasnist' 2009 – Istoriia i suchasnist' Natsional'nogo girnychogo universytetu (1899–2009 rr.), za red. prof. G.K. Shvyd'ko, Dnipropetrovs'k, NGU, "Lira", 2009, 504 p.

Istoriya Kiivs'kogo universitetu 1959 – Istoriia Kyivs'kogo universytetu. 1834–1959, vidp. red. O. Z. Zhmuds'kyi, Kiev, Vyd-vo Kyiv. un-tu, 1959, 632 p.

K voprosu 1910 – K voprosu o krizise studenchestva, Studencheskaia zhynz', 1910, Nr 22 (18 iuliia), pp. 1–2.

Klopotovskiy 1893 – *Klopotovskiy V.I.* Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy nachal'stva po Universitetu Sv. Vladimira i prochim russkim universitetam s 1878 po 1891 god vkluchitel'no, Kiev, tp. Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira, 1893, 275 p.

Kobchenko 2007 – *Kobchenko K.* "Zhinochyi universytet Sviatoi Ol'gy": istoriia Kyivs'kyh vyshchyh zhinochyh kursiv, Kiev, MP "Lesia", 2007, 271 p.

Korotki narisi 1940 – Korotki narisy z istoriyi Kharkivs'kogo derzhavnogo universytetu im. O.M. Hor'kogo, luvileine vydannia, 1805–1940, Kharkiv, Vydannia HDU, 1940, 132 p.

Krugliak 2010 – *Krugliak M.E.* Zhyttia ta pobut studentstva pidrosiys'koyi Ukrayiny drugoyi polovyny XIX – pochatku XX st., Dys... kand. ist. nauk, 07.00.01 – istoriia Ukrayiny, Kiev, 2010, 301 p.

Mikhal's'kiy 1995 – *Mykhal's'kyi I.S.* Natsional'no-politychnyi ruh molodi v Ukrayini v roky Pershoyi svitovoyi viyny (1914 – liutyi 1917 r.), Luhans'k, B. v., 1995, 27 p.

Morissi 1999 – *Morissi S.* Mezhdru patriotizmom i radikalizmom: petrogradskie studenty v gody Pervoi mirovoi voyny, Rossiia i Pervaia mirovaia voina (Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma), Saint Petersburg, 1999, pp. 288–302.

Naumov 2001 – *Naumov S.O.* Natsional'ne pytannia v ukrayins'kyh molodizhnyh organizatsiiah Kharkova (1914 – pochatok 1917 r.), Visnyk Kharkivs'kogo natsional'nogo universytetu im. V.N. Karazina, Nr 526, Istoriia, Kharkiv, 2001, vyp. 33, pp. 176–181.

Nelegal'ni vidozvi 1925 – Nelegal'ni vidozvy z nagody Shevchenkivs'kyh rokovyn, za red. ta z peredmovoio O.lu. Germaize, Kiev, Derzhavne vyd-vo Ukrayiny, 1925, 64 p.

Novitnya istoriya 2002 – Novitnia istoriia Ukrayiny (1900–2000): pidruchnyk, A.G. Sliusarenko, V.I. Gusev, V.M. Lytvyn ta in, Kiev, Vyshcha shkola, 2002, 719 p.

Odes'kiy derzhavniy 2003 – Odes'kiy derzhavniy muzychniy akademiya

imeni A. V. Nezhdanovoyi – 90, upor. Sokol O.V., Rozenberg R.M., Samoylenko O.I. ta in, Odesa, Druk, 2003, 224 p.

ORFTIL – Otdel rukopisnyh fondov i tekstologii Instituta literatury im. T.G. Shevchenko [Department of the manuscript collection of the Institute of Literature and Textual], f. 150, d. 86, 395 sh.

Otchet 1914 – Otchet o sostoianii i deiatel'nosti Ekaterinoslavskogo gornogo instituta, Izvestiia Ekaterinoslavskogo gornogo instituta za 1914 god. Ekaterinoslav, 1914, vyp. 1, pp. 1–87.

Otchet 1915 – Otchet o sostoianii i deiatel'nosti Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta za 1915 god, Odessa, tip. "Tekhnik", 1916, 440 p.

Otchet 1914-1915 – Otchet o sostoianii Imperatoskoy Kievskoy duhovnoy Akademii za 1914–1915 uchebnyi god, Trudy Kievskoy duhovnoy akademii, 1916, № 7-8, pp. 1–50.

Putro 2011 - *Putro O. I.* Studenty-inozemtsi Kyivs'koyi duhovnoyi akademiyi: XIX – pochatok XX st., Visnyk Derzhavnoyi akademiyi kerivnyh kadriv kul'tury i mystetstv: naukovyi zhurnal, 2011. Nr 1, pp. 140–147.

Strumilin 1979 - *Strumilin S. G.* Statistika i ekonomika, Moscow, izd-vo AN SSSR, 1979, 490 p.

Filial GACHO – Filial Gosudarstvennogo arhiva Chernigovskoy oblasti v g. Nezhine [Branch of the State Archives of Chernihiv region], f. 1105, inv. 1, d. 2085. 265 sh.

Fursenko 1968 – *Fursenko I.D.* Khar'kovskiy Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni sel'skohoziaystvennyi institut imeni V.V. Dokuchaeva, Ocherki istorii. Kiev, izd-vo "Urozhay", 1968, 168 p.

Kharkivs'kiy universitet 2004 – Kharkivs'kiy natsional'nyi universytet im. V. N. Karazina za 200 rokov, V.V. Kravchenko, S.I. Posohov, V.I. Kadeev ta in, Kharkov, Folio, 2004, 750 p.

Khar'kovskiy institut 1985 – Khar'kovskiy politehnicheskii institut. 1885–1985. Istoriiia razvitiia, Kharkov, izdat. pri HGU izdat. obyed. "Vyshcha shkola", 1985, 224 p.

TsGIAU - Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Ukrainy, g. Kiev [Central State Historical Archive of Ukraine, Kiev], f. 707, inv. 82, d. 48, 163 sh.

Chutkiy 2008 - *Chutkyi A.* Kyivs'kiy universytet u 1914–1916 rr.: zabuta istoriia pershoyi evakuatsiyi, Istorychnyi zhurnal, 2008, Nr 4, pp. 71–80.

Кругляк Марина Эдуардовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Житомирского государственного технологического университета.

Krugliak Marina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences of Zhitomir State Technological University.

E-mail: marinakrugljak@ukr.net